

Пронзительная песнь «Скрипача на крыше»

25.04.2015 — Мария Котова

Конечно же, событие — масштабное, яркое и очень уж ко времени: спектакль «Скрипач на крыше» на сцене Одесского академического театра музыкальной комедии им. Михаила Водяного. Первооснова — рассказы Шолом-Алейхема. Сам же мюзикл — тоже классика, это один из наиболее известных бродвейских мюзиклов (либретто Джозефа Стайна).

Снова на одесской сцене

«Скрипач на крыше» — не впервые на сцене в нашей Музкомедии. Первая постановка была осуществлена еще в 1987 году режиссером Эдуардом Митницким. Тевье-молочника играл Михаил Водяной. Одесская публика тогда восторженно ликовала. Праздник длился недолго: через полгода после премьеры Водяного не стало.

И вот «Скрипач на крыше» — снова на одесской сцене.

О чем же звучит его пронзительная песнь? Да, сам скрипач далеко не «нов» (вспомним хотя бы полотна Шагала), но песнь его вечна: если человечество все же хочет выжить, то ему необходимо стать мудрым — сродни молочнику Тевье.

На первый взгляд, все просто: пьеса рассказывает о жизни евреев в дореволюционной черте оседлости. Действие разворачивается в 1904 году, в Украине, в еврейской деревне Анатовка. Все богатство молочника Тевье — пять дочерей, их нужно удачно выдать замуж. Тут-то и появляется человек ну очень нужный в таком деликатном деле — сваха Ента. Но дочери Тевье одна за другой выходят замуж по любви, по собственному разумению.

Почему же так упорно делаем мы акцент на актуальности? Да потому, что слишком уж созвучно с днем сегодняшним все, что происходит на сцене: умение жить в мире с людьми другой нации, других обычаев, ценностей и мировоззрения. Далеко ли мы продвинулись в этом направлении? Увы...

«Простая» история о многодетном Тевье-молочнике, который, ни больше, ни меньше, разговаривает с Богом — это ли не сегодняшний день? А «приказ начальства устроить в Анатовке небольшой неофициальный шум» в виде погрома — это ли история только лишь столетней давности? Равно как и звучащее со сцены: «Власть — как жена: немножко люблю, немножко боюсь, немножко хочу другую!».

Таких «переключек» с днем сегодняшним в спектакле множество. А над всем этим — тот самый скрипач на крыше со своей пронзительной песнью. О чем же она?

— Скрипач на крыше — это очень серьезная и светлая метафора, — говорит режиссер-постановщик спектакля заслуженный деятель искусств России Владимир Подгородинский (Санкт-Петербург). — Скрипка — как душа человека, которая постоянно балансирует на острие. Ходить по крыше и сложно, и опасно: ее геометрическая форма такова, что можно в любой момент скатиться в одну или другую сторону. Потому более точного названия для спектакля и отыскать, по-моему, невозможно. В нашем спектакле крыша нарисована на колодеце. Колодец — это чистая вода, то есть, душа самого чистого, нравственного и глубокого героя пьесы — Тевье. Да, он не без греха, прост и сложен одновременно. При работе над спектаклем я поставил себе задачу — приблизить материал ко дню сегодняшнему. Пьеса и грустна, и одновременно радостна и смешна. Посему и близок спектакль одесскому зрителю. Это о народе, который умеет радоваться, шутить, веселиться. Спектакль, таким образом, получил абсолютно одесский колорит. Но все не без горечи. Меня более всего беспокоила психологическая тема спектакля. От белого, совершенно чистого дома Тевье к концу спектакля остается один скелет. И это, заметьте, уже не только день вчерашний, это наша сегодняшняя жизнь, увы. Принял ли это зритель? Да, принял. Тут ведь как? Одесского зрителя очень трудно обмануть, особенно в том, что касается тонкости, психологичности Шолом-Алейхема, который в крови у каждого одессита, даже если он не еврей. Одессита, знаете ли, на мякине не проведешь. Потому и приятно, что зритель спектакль принял.

«У каждого — свой Тевье»

Дирижер-постановщик спектакля «Скрипач на крыше» Вадим Перевозников напоминает: сам мюзикл стал достоянием мировой классики.

— Такие спектакли становятся долговечными только когда есть две составляющие — безупречные драматургия и музыка. Птица ведь может летать только на двух крыльях. Потому, вероятно, и нет смысла говорить о том, дополняет ли музыка спектакль, помогает ли ему. Есть два равноважных компонента. И — главное! — Они оба есть в спектакле. А иначе спектакль попросту «не пойдет». Музыка в спектакле, конечно, потрясающая: она доносит многое, в том числе и главное — страшную суть геноцида, причем любого народа, не только еврейского. Спектакль же состоялся, считаю, потому, что в его создании приняли участие не просто талантливые люди, но люди умные, думающие, сердечные. Он, что называется, создан с душой. Тут ведь очень важно, что исполнители ощущают главное: все «крутится» вокруг Тевье. Не будет настоящего Тевье — не состоится ничего. У нас же Тевье есть — свой, истинный, яркий.

Да, конечно, одесский зритель спектакль принял, более того, кажется, он довольно долго с нетерпением ждал его. И не ошибся, «получив» после Михаила Водяного еще одного «одесского Тевье» в исполнении народного артиста Украины Владимира Фролова. Такие роли называют этапными, но я, пожалуй, удержусь от любых эпитетов. Вероятно, каждая роль является этапной для артиста, тем более — уровня Владимира Фролова.

— Мой Тевье — это моя семья, это рассказы моей бабушки, моей мамы, — рассказывает Владимир Фролов. — К сожалению, обоих дедушек я уже не застал... Мои родные приехали в Одессу, уходя от погромов. С возрастом становишься мудрее, начинаешь иначе относиться и к жизни, и к ролям. И вот Тевье — роль, в которой я, что называется, купаюсь. Хотя сначала меня смущала моя фактура. Так уж получилось, что зритель привык видеть Тевье невысоким, толстеньким. Но потом подумал: а почему Тевье обязательно должен быть именно таким? Ведь у каждого — свой Тевье. У Ступки — свой. У Ульянова — свой. И у меня — тоже. Зритель тоже ведь теперь иной, и он принял моего Тевье. На спектакле зрители и плачут, и смеются, и грустят, и задумываются. Судьба Тевье, его семьи, местечка, из которого изгоняют людей, не оставила публику равнодушной. Потому что

выкладываешься полностью. После спектакля ощущаю и усталость, и даже опустошенность. Вот словно отдал все — до следующего спектакля. Но в то же время ощущаю и основное — удовлетворение.

Разговаривая с народной артисткой Украины Ольгой Оганезовой, сыгравшей роль свахи Енты, сразу ощущаю, как порой сдвигаются акценты как в подходе к роли, так и к самому спектаклю.

— Роль, спектакль — это, прежде всего, работа, — говорит Ольга Оганезова. — Мы прикоснулись к мировой классике, и, конечно, хотелось, чтобы это прикосновение было как можно более качественным. Когда только размышляли над постановкой, помню, что многие говорили о том, что эта тема уже «отработана». А вышло в результате мистически: как взялись за работу над спектаклем, так и случились в стране известные события. Спектакль очень, очень попал в свое время. Что же до роли, то тут у меня подход всегда один: получил роль — следовательно, нужно выложиться. Проще говоря, с ролью нужно что-то сделать. Я не характерная актриса, чаще играла социальных героинь. Но все чаще прихожу к мысли, что любая роль, по сути, является характерной, в любой роли есть и трагическое, и смешное, и ужасное. И вот мне кажется, что в Енте мне удалось эти моменты совместить. Есть в ней и юмор, и своеобразный идиотизм, и, в то же время, человеческий трагизм. Ента — маленький человек, который все понимает, все чувствует, но для того, чтобы выжить, вынуждена делать вид, что она благополучно вписывается в этот социум, что активно в нем участвует. Она ведь вынуждена, по сути, стоять с протянутой рукой и при этом делать вид, будто ей это нравится. На самом деле, ей самой не нужно никакого «вписывания», ей необходимо заглушить свой внутренний ужас, происходящий от понимания и глубокого восприятия жизни. Это мое видение героини, и оно мне близко. И в этом смысле Ента — это я. Что было сложно? Видите ли, в этом спектакле есть большая опасность скатиться в пошлость. И мне было очень важно не допустить этого, работая над ролью Енты. Такой у меня подход ко всему сложился: если уж что-то делаешь, то делай так, как в последний раз.

Заслуженная артистка Украины Тамара Тищенко, исполняющая роль жены Тевье Голды, подчеркивает: самое важное — это принятие спектакля зрителем, его вера в то, что происходит на сцене, его восприятие и невольная оценка поступков героев.

— Тут ведь очень сложная ситуация: Голда всю жизнь бережно хранит семейный очаг, воспитывает с мужем пятерых дочерей, семья — суть и весь смысл ее жизни, а все идет как-то не так: дочери своевольничают, над Анатовкой сгущаются тучи. Сама суть этой женщины такова: она мать, даже, если хотите, правительница, но, что называется, «в своем роде». Да, ей страшны перемены, да, очень хочется, чтобы все было, как «положено», как заведено старым укладом. Но она и счастлива, пусть даже живет с не всегда понятным ей супругом, потому что глубоко любит и его, и своих дочерей. Никогда не забуду, как играя в прошлом спектакле, еще с Водяным, одну из дочерей Тевье, мы с ним вдвоем плакали в сцене прощания. Вот такая искренность, пронзительность и теперь, уже в другом спектакле, тоже, к счастью, есть. Потому он и не оставляет равнодушным зрителя. А все потому, что есть основное: это не просто история о далеком прошлом, это сегодняшняя история, близкая и понятная каждому.

«Жизнь проходит так быстро, словно ей с нами не интересно»

Мюзикл... Как-то сразу представляется такое себе развеселое шоу. Что-то мало веселого чувствуется практически за каждой фразой всех, с кем я беседую. Не без надежды спрашиваю у народного артиста Украины Николая Завгороднего — исполнителя роли мясника Лейзера Вольфа — о том, что, быть может, хотя бы его герой «веселый»?

— Веселый? — переспрашивает меня с некоторым недоумением Николай Завгородний.

— Ну, вероятно, он так же весел, как анекдот, утверждающий, что наша жизнь проходит так быстро, словно ей с нами не интересно... Если и есть какая-то «веселость» в Лейзере, то разве что врожденная, присущая его народу. Да, он удачлив в делах, но жизнь проходит, он не молод, жену похоронил. И вот появилась возможность жениться на молоденькой девушке, дочери Тевье — хорошенькой, хотя и бедной. Такой себе шанс в жизни появился. Материально все нормально. А вот на душе тяжело. Одиноко, да и с насиженного места сгоняют. Лейзер свое место в жизни отыщет, в связи с событиями он собирается в Америку к родственнику, хотя и не очень хочется.

Работать над этой ролью было очень интересно. Мне это ведь очень близко все: тоже помотался по стране, а вот ощущение малой родины, того места, где родился, в Краснодарском крае, осталось на всю жизнь. «Скрипач на крыше» — это ведь как жизнь, в которой трагедия всегда уживается с комедией. Эта тема пронесена через весь спектакль. Вот чего только стоит такой диалог: «Как вы жили раньше?» — «Раньше мы жили хорошо» — «А нынче?» — «Нынче мы живем намного лучше. Но почему-то хочется, чтоб снова было хорошо».

А вот Тимофей Криницкий, исполняющий роль Лейзера в другом составе, отзываясь о своем герое, прежде всего, как о работяге.

— Он не случайно уважаем в поселке. Да, у него денег больше, чем у других, но он и сил в это вложил немало, — говорит Тимофей. — Лейзер — кулак, но в хорошем смысле этого слова. И нельзя сказать однозначно, что мой герой противопоставлен Тевье. Да, он собирается «приобрести» в жены красивую дочь Тевье, причем недорого, это повысит его статус. Но судите сами: изгоняют из Анатовки всех, в том числе и Лейзера. Но дело ведь не только в изгнании, а еще и в изломе мировоззрения: отношения уже не будут складываться так, как раньше было заведено. Все старое отмирает. Но даже при своем «старом» мышлении он не пропадет и в Америке, куда собирается уехать. Не получилось с женитьбой на дочери Тевье? Лейзер все равно найдет себе подругу жизни, будет заниматься делом и не потеряется.

...Вечный спектакль о вечных ценностях — снова на одесской сцене. И у зрителя есть поистине уникальная возможность прикоснуться к ним еще раз — и чтобы стать чуточку мудрее, и чтобы снова услышать пронзительную мелодию, доносящуюся из самых глубин души — грустную и светлую. Опять-таки вечную. Вы давно не слышали ее внутри себя? Тогда прислушайтесь к «Скрипачу на крыше».

Фото — из архива театра.